

ЛИНГВИСТИКА
Избранное

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ РАН

Т. М. Николаева

ЛИНГВИСТИКА

Избранное

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
МОСКВА 2013

УДК 811.161.1
ББК 81.031
Н 63

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 12-06-07109

Николаева Т. М.

Лингвистика. Избранное. — М.: Языки славянской культуры, 2013. — 624 с.

ISBN 978-5-9551-0609-0

В настоящую книгу включено несколько десятков исследований из общего числа 500 работ и 15 монографий (многие из них переиздавались трижды) Татьяны Михайловны Николаевой, члена-корреспондента РАН, иностранного члена Геттингенской академии, профессора, доктора филологических наук, главного научного сотрудника Института славяноведения РАН.

Книга распадается на три части. В первой опубликованы исследования автора (с 2002 г. главного редактора журнала «Вопросы языкознания») по теории языка и эволюции его структуры. Во второй части представлены труды автора по содержательным категориям и их описанию. Третья часть вся посвящена интонации, где Т. М. Николаева, по сути, занимаясь экспериментами более тридцати лет, создала теорию интонации как многомерной структуры со своими уровнями, их единицами и их функционированием. В течение многих лет (с 1983 г.) Т. М. Николаева была вице-президентом Международного фонетического общества (IPhS) и сейчас является пожизненно членом Международного фонетического общества (IPA).

Многие из публикуемых здесь работ не являются недавними, поэтому у каждого текста проставлен год его первичной публикации. Довести их все до современности просто невозможно. Но по ним видно некоторое «опрежение» автора ряду идей сегодняшнего дня.

Довольно большое число исследований Т. М. Николаевой посвящено загадкам литературных текстов и их разрешению. Они уже опубликованы в ее книге «О чем нам рассказывают тексты?». М.: ЯСК, 2012.

Бесконечная благодарность учителям автора: В. Н. Топорову, Вяч. Вс. Иванову, Н. Д. Арутюновой, Л. В. Бондарко.

ББК 81.031

ISBN 978-5-9551-0609-0

© Т. М. Николаева, 2013

© Языки славянской культуры, 2013

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	9
--------------------------	---

— I —

«Скрытая память» языка: попытка постановки проблемы	13
Диахрония или эволюция? (Об одной тенденции развития языка)	41
Функции русского «я» в индоевропейской перспективе	63
Русский и хеттский — через тысячелетия	73
Системы валоризованные и эмпирические	91
Металингвистический иконизм и социолингвистическая дистрибуция этикетных речевых стереотипов.	98
Базовые ментальные конструкции и дробная категоризация словосочетаний в русском языке (О концептуальной способности человека как <i>homo sapiens loquens</i>)	109
«Лингвистическая демагогия»	115
О грамматике неязыковых коммуникаций	124
Несколько слов о лингвистической теории 30-х годов XX века: фантазии и прозрения.	131
Опыт классификации ученых: метод — объект	155

— II —

Пространство славянских партикул.	161
*s/t — центр славянской грамматики.	184

Русские дейктические частицы, их функционирование в N-мерном пространстве. Что является «ближним дейксисом» — <i>вот, вон</i> или <i>это?</i>	201
Частицы и ситуации. «Скрытая семантика» частиц.....	209
Понятие акционального статуса и различие <i>хотя</i> и <i>хоть</i> в синхронии и диахронии	227
Словосочетания с лексемой <i>один</i> . Форма, значения и их контекстная маркированность.....	246
Функциональная нагрузка неопределенных местоимений в русском языке и типология ситуаций.	266
Первичная и вторичная семантика словосочетаний с притяжательными и неопределенными местоимениями	284
История одного посессива — стремление к языковой компрессии	292
Качественные прилагательные и отражение «картины мира»	308
«Модель мира» в грамматике паремий. Грамматика паремий как социальный фактор. Различие в социализации и глубинной грамматике пословиц и загадок	322
«Зеркало рецепции»: восприятие информации. Московские диалоги	336

— III —

Многомерность интонационного пространства и ограниченность его отображения	353
Просодическая схема слова и ударение. Ударение как факт фонологизации.	368
Строки прозаическая и поэтическая: проблемы первичности и вторичности.	389
О возможных причинах модификации латинской и греческой словесно-просодических моделей.	399
Почему лингвисты не любят «про интонацию»?.....	407

Ударение — в отличие от просодической схемы.	
Акцентное выделение — в отличие от «фразового ударения».	
Изоморфизм моделей	417
Типология интонации и акцентное выделение.	427
Место ударения и фонетический состав слова.	436
Три интонационных слоя звучащей фразы	450
«Экстренное введение в ситуацию»: особый вид просодического выделения	459
Грубые ошибки или назойливая языковая тенденция?	469
«Компенсационный» закон А. М. Пешковского	475
Сходство «стереотипов» и суперсегментных просодических моделей	490
Понятие «валоризации», оппозиции Н. С. Трубецкого и ментальные стереотипы, определяющие вид речевого поведения	500
Интонация и типология. Основные интонационные модели славянских и балканских языков.	516
Некоторые наблюдения над соотношением словесных акцентов и фразовой мелодики в сербском языке . . .	548
«Неоштокавский» сдвиг.	598
Об одном сходстве славянской и финно-угорской фразовой интонации	604

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эти статьи, представленные на суд читателю-колеге, отражают долгий путь в лингвистике их автора, выбравшего языкознание и — тем самым — свою жизнь ровно шестьдесят лет тому назад. Нечто сходное имело место в издании «От звука к тексту», опубликованном в 2000 году. Но та книга была более концептуальной, во-первых, и в ней содержался ряд исследований, относящихся к анализу художественного текста, во-вторых. Последним была посвящена уже вышедшая в 2012 году в издательстве ЯСК книга «О чем рассказывают нам тексты?».

Многие авторы, переиздавая свои давние опубликованные сочинения, стараются их «дотянуть» до настоящего времени, кое-что пересмотреть, а кое-что добавить. Такие намерения более чем похвальны. Однако это легче сделать исследователям, прошедшим свою научную жизнь по одной стезе (или по немногим). К сожалению, мои лингвистические интересы менялись и иногда — стремительно. «Дотянуть» все это невозможно.

Кроме того, цель столь разнообразных по тематике публикаций была и иная — продемонстрировать даты обращения автора к этим проблемам, возможно, иногда и показать свое забытое пионерство.

Поэтому отчасти эта книга — сборник воспоминаний, а они всегда имеют даты и не претендуют на актуальность.

— I —

«СКРЫТАЯ ПАМЯТЬ» ЯЗЫКА: ПОПЫТКА ПОСТАНОВКИ ПРОБЛЕМЫ*

1. Идея существования разных видов языковой «памяти» в последние годы становится все более активной: говорят о «культурной памяти», об «исторической памяти», о памяти «генетической» [Яковлева 1998; Добродомов 2002]¹. В настоящей статье я хочу обратить внимание еще на один вид языковой памяти, который я предлагаю назвать «скрытой».

Что же такое «скрытая память» языка? Как можно предположить, она существует в нескольких вариантах.

Первый ее тип. Описание его предлагается одновременно с позиций перцептивно-коммуникативных и с позиций метатеоретических. Более конкретно речь идет о тех случаях, когда в речевом употреблении сосуществуют два как будто бы свободно заменяющихся в коммуникации варианта (лексемы, грамматические формы, синтаксические модели и т. д.) и при этом носитель языка не может ответить на вопрос, чем они различаются в употреблении. Не может на этот вопрос ответить и лингвист-кодификатор (т. е. в описании языка представлены только пометы вроде «вариант», «разг.» и под.). И только пристальное исследование большого массива данных позволяет выявить некоторую интерпретацию их различия, существующую в виде «тенденции», а не грамматализированной

* Настоящее исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ: № гранта: 01-06-80-447 и проекта № 8877 сотрудничества Российской Академии наук и CNRS (Франция).

¹ Считаю необходимым сказать в самом начале статьи о том, что большинство исследований — в особенности зарубежных коллег, которые, судя по их названию, имеют непосредственное отношение к развиваемой здесь концепции и, возможно, ее и излагают, — оказалось для меня абсолютно недоступным из-за организации работы в наших библиотеках. Поэтому я заранее приношу извинения потенциальным моим единомышленникам, работы которых известны мне только из библиографических сносок.

обязательной модели. И эта интерпретация ведет к диахроническим исследованиям, иногда очень глубоким по хронологии. Отметим, что наблюдаемые тенденции обычно не сообщаются студентам-филологам, аспирантам, проще говоря, — не являются фактами обыденного научного знания.

Таким образом, в исследование вводится и фигура лингвиста-синхрониста. Личность носителя языка уже давно активно фигурирует в психолингвистике как особой области языкознания и даже является ее эпистемологическим центром. Введение в интерпретацию также и лингвиста представляется в настоящее время концептуально оправданным. Таким образом, в исследование можно ввести еще один компонент: это данные лингвистики же, т. е. показания-описания самих лингвистов. Правда, может существовать довольно осложненная ситуация, когда некие факты знает историк языка, но никак не соотносит с современным состоянием, не видя в нем рефлексов прошлого, и наоборот. Естественно, что когда «скрытая память» языка оказывается «раскрытой», она становится тоже фактом обыденного научного знания.

Другим обязательным для «скрытой памяти» первого типа феноменом может быть признана «наивная» (в буквальном смысле) реакция носителя языка (и даже филолога); в том смысле, что «можно сказать ведь и так, и так» или «а если вместо В сказать А, то ведь тоже будет правильно» и т. д. Иными словами, речь в этой нашей работе не идет о лингвистике, описываемой в строгих терминах «можно-нельзя», как это делалось в течение многих лет.

Чем же отличается излагаемая концепция от имеющего давнюю историю рассмотрения рефлексов диахронии в одном языке и генетических совпадений в нескольких? Тем, что подобные описания таких рефлексов, как, например, древних склонений типа *мать — матери, дочь — дочери*, — это не скрытая память. Описание диалектной дистрибуции *-ѣ* на месте дифтонгов — это не скрытая память. Объяснение того, почему в одних случаях имеет место «беглая гласная» (*лоб — лба*), а в других — нет (*дом — дома*), это тоже не скрытая память. Почему? Потому что лингвисты об этом знают и даже пишут в учебниках для филологов и в нормативных грамматиках. То есть эти факты входят в обыденное научное знание.

Второй тип того же явления-феномена. Категориальные формы, например, у одной и той же лексемы, различает некий формант, который не воспринимается и не описывается как носитель какого-то самостоятельного значения. Между тем обращение к диахронии

показывает, что значение именно этого форманта предопределяет описанные различия данных категориальных форм.

Третий тип. Предполагается для синхронного состояния, что все языковые воплощения одной и той же единицы языка, лексемы например, диктуются ее современным обликом. Переход к иному виду ее манифестации, воплощению на другом языковом уровне, неожиданно показывает, что возникает облик предшествующего «далекого» периода. Разумеется, будут приведены примеры на все указанные типы (думаю, что в случае признания моей гипотезы число таких примеров может все время увеличиваться). Нужно также сказать заранее, что наиболее сложным является решение вопроса в тех ситуациях, когда остается неясным, имеем ли мы дело со «скрытой памятью» или с универсалией диахронического плана. А именно — речь идет о содержательных категориях или о внутренней смысловой структуре сложных по составу лексем, которые (категории и смысловые структуры в их различии) остаются неизменными в течение многих лет или даже веков, но меняют свою лингвистическую «упаковку», как бы пробивая себе дорогу в новых обстоятельствах и являясь в новые одежды.

Материалом в данной работе служат наблюдения коллег (со сделанной ранее оговоркой), мои собственные наблюдения и данные предшествующих моих или совместных со мной публикаций, которые не были еще рассмотрены с излагаемой здесь точки зрения².

2.1. Приведем примеры на первый тип. На современном уровне развития языков бывают представлены два варианта употребления личного местоимения 1-го лица в речи, то есть: местоимение опускается / местоимение наличествует³. К таким языкам выбора принадлежит современный русский. Например, *Люблю грозу в начале мая* (Ф. Тютчев), *Люблю тебя, Петра творенье* (А. Пушкин), но *Я люблю этот город вязевый* (С. Есенин). Подобная бифуркация обычно относилась к сфере «стилистики». Итак, всякий русский может

² Прежде всего я хочу поблагодарить моего неоднократного соавтора Ирину Фужерон, которая, обладая способностью видеть — в синхронии — содержательные различия там, где обычно видят только легко заменяемые варианты или вообще на эти различия не обращают внимания, во многом способствовала написанию этой статьи.

³ Строго говоря, можно говорить и об обратном: местоимение вставляется / местоимение не вставляется. Это связано с вопросом о маркированном члене этой оппозиции.